

и творчества противостоит *идея отрицания*, господствующей в поэзии Байрона и отражающей страстный протест великого романтика против пороков пореволюционной буржуазной действительности, питаемый как силой ненависти к этой действительности, так и не исчерпанными еще возможностями борьбы и сопровождаемый нередко характерным для романтизма пессимистическим взглядом на историю человечества.

В отличие от них Лермонтов, сын одной из наиболее реакционных в истории всех времен эпох, чреватой в то же время наиболее ценными свершениями, — эпохи кризиса декабризма как мировоззрения — не может остановиться ни на байроническом отрицании, ни на гетевском утверждении. Бесперспективности Байрона в плане положительного идеала он противопоставляет гетевскую веру в этот идеал. Гетевскому разрешению противоречий — байроновское отрицание. Именно поэтому несколько позднее, когда в России начинает складываться новый идеал, новое революционно-демократическое мировоззрение, открывающее перед личностью широкие перспективы осуществления как в общественном, так и в личном плане, Белинский сможет трактовать шедевр Лермонтова и в духе Байрона — как «с небом гордая вражда», и в духе Гете — как порыв к идеалу: «Этот демон . . . отрицает для утверждения, разрушает для созидания; он наводит на человека сомнение не в действительности истины, как истины, красоты, блага, как блага, как *этой* истины, *этой* красоты, *этого* блага . . . Это демон движения, вечного обновления, вечного возрождения . . .»¹ И обе эти трактовки будут глубоко справедливы: они раскроют и «фаустианское» и «сатанинское» в образе Демона, и философский аспект поэмы и ее социальной подтекст. И все же обе они будут недостаточны, ибо смысл, содержание образа Демона не исчерпывается этими двумя аспектами, ибо в образе Демона происходит не просто слияние, но и глубокий синтез этих начал, порождающий новое явление литературы нового времени, *демонизм*. Уходящее корнями в творчество тех же Гете и Байрона — интуитивно уловленное в «демонионе» первого, воплотившееся в героях восточных поэм второго, подхваченное и развитое французскими романтиками — Виньи, Мюссе и др. — это явление знаменует выдвижение на первый план этических проблем, возможное благодаря глубокому погружению во внутренний мир человеческой личности и его пристальному анализу. Исключительное мастерство такого анализа, вместе с силой «сатанинского» протеста и глубиной «фаустианских» стремлений, приводит к тому, что в произведении русского поэта не только ставятся социальные и философские проблемы, но и ярко обрисовывается мучимая этими проблемами душа героя, иными словами, основной конфликт поэмы не только конкретизируется исторически, но и ставится в его метафизической абстрактности и своеобразной психологической конкретности.

*

Как мы пытались показать, антитеза, лежащая в основе поэмы и определяющая ее конфликт, — противопоставление героя окружающему миру — может быть раскрыта в «историческом», «социальном» плане, как неразре-

¹ В. Г. Белинский, *Полное собр. соч.*, т. VII, М., 1955, стр. 555.